

УДК 316

А. В. Проноза

Особенности восприятия дедовщины разными поколенческими группами и проблема достоверности эмпирических данных о дедовщине

Пожалуй, основной причиной возникновения дедовщины в Вооружённых силах нужно полагать специфику самой военной организации как системы. Так, по мнению американского социолога И. Гофмана, который ввёл в научный обиход термин «тотальные организации», военные казармы как раз и являются одним из специфических типов тотальных организаций. Изоляция от внешнего мира навязывается новоприбывшим в тотальное учреждение с помощью ложных или жестоких ритуалов. Это делается для достижения полного разрыва людей с их прошлой жизнью и подчинением нормам заведения [12, с. 172–173].

К этому следует добавить, что в условиях ограниченной коммуникации, жёстко нормированной системы взаимоотношений, охватывающей все стороны жизнедеятельности человека, пребывающего в армии, дедовщина со всеми её субкультурными проявлениями была для солдат той эмоциональной отдушиной, где они могли неформально реализовать себя, своё «Я».

Этот процесс был вполне закономерным, также как и закономерным является возникновение различных субкультурных течений и направлений в гражданской молодёжной среде.

Другой вопрос заключается в том, что во многих случаях, субкультура, порождаемая дедовщиной, становилась в оппозицию официально пропагандируемым нормам, ценностям и эталонам поведения. В таком случае её следовало бы рассматривать не как суб-, а как антикультуру, и бороться с ней всеми возможными способами, поскольку в таком случае она подрывала устои общества и государства. К сожалению, грань, отделяющая субкультуру от антикультуры достаточно зыбка. Критерии такого разграничения достаточно аморфны и могут быть понятны только человеку, имеющему специальную подготовку. Именно поэтому каждый офицер, военнослужащий-контрактник или солдат-срочник в силу своего

уровня образованности, воспитанности и житейского опыта сам определял для себя ту невидимую линию, за которую нельзя было заступать, и которая разграничивала дозволенное и недозволенное, допустимое и недопустимое. Таким образом, борьба с дедовщиной незаметно переносилась в плоскость противоборства различных культурных ценностей, норм и систем. На этом поле брани, дедовщина, к сожалению, отстаивала свои позиции довольно успешно.

Всё вышесказанное является подтверждением мнения о том, что культура со знаком «минус» заслуживает пристального внимания и изучения. Это необходимо для того, чтобы выяснить внутренние механизмы её функционирования и воздействия на личность и на основе полученных знаний выработать эффективные меры противодействия ей.

Особую сложность при изучении дедовщины представляет поиск и отбор источников. Не смотря на то, что в сети Интернет имеются огромные «залежи» информации о дедовщине «из первых рук», её достоверность и полнота вызывает сомнение.

Так, в подавляющем большинстве случаев не указываются источники информации. Такая неопределённость объясняется рядом факторов.

Во-первых, в 80–90-е гг. XX в. сбор полевых материалов о неформальных взаимоотношениях в армии и в частности о дедовщине представлял собой достаточно сложную задачу.

Причина этого заключается в следующем:

- а) Дедовщина являла собой субкультуру закрытого типа. Поэтому военнослужащие срочной службы неохотно шли на контакт с исследователями, а если и шли, то одним из условий такого общения было обещание исследователей не разглашать персональные данные, место службы и наименование воинской части, чтобы, по мнению респондентов

«не навредить, оставшимся служить корефанам и не прослыть стукачом».

- б) Сбор первичной эмпирической информации о дедовщине гражданскими социологами в Вооружённых силах не приветствовался. Для этого нужно было обладать полномочиями, подтверждёнными достаточно высокими начальниками. Также не приветствовался сбор подобной информации и исследователями в погонах. Более того, степень откровенности военнослужащих срочной службы при общении с военными социологами по сравнению с гражданскими исследователями была ещё ниже, поскольку у солдат-срочников закономерно возникало мнение, что все эти расспросы никакого не исследование, а завуалированное посягательство на личностную, неформальную сторону жизни в армии.
- в) Существенные препятствия при сборе информации чинило вышестоящее командование — командиры и начальники разного ранга и уровня, поскольку невольное вскрытие и публичное обнародование фактов дедовщины могли негативно повлиять на их материальное положение, должностной и карьерный рост, имидж воинской части.

Во-вторых, в первое десятилетие XXI в. в связи с широким распространением Интернета появилась реальная возможность постоянного мониторинга информации о неформальных взаимоотношениях в армии. Объём такой информации был огромен, но, к сожалению, не был жёстко привязан по времени и месту наблюдения. Поэтому в большинстве случаев такая информация носила фрагментарный и обрывочный характер с повышенной эмоциональной составляющей.

В-третьих, сбору информации препятствовало восприятие дедовщины военнослужащими срочной службы (как бывшими, так и ещё проходящими службу) именно как тягот и лишений военной службы, которые по уставу военнослужащему надо стойко переносить, хотя на самом деле дедовщина — это никакие ни тяготы и лишения военной службы. Именно поэтому, военнослужащие срочной службы, после окончания службы, никогда (или крайне редко) не стремятся к откровенностям по поводу унижений и издевательств, которые они испытали в армии. Что пройдено — забыто. Парадокс заключается в том, что чем дальше по времени отстоит их служба от дня сегодняшнего, тем больше они ратуют за дедовщину и тем менее откровенны о её негативных сторонах и проявлениях. Именно по этой причине у неискушённых исследователей иногда складывается впечатление, что раньше дедовщины в армии не было, а если она и была, то не такая жестокая как нынче. На самом деле это не совсем так — дедовщина, конечно же, в армии была, только несколько другая, не такая как современная. Та дедовщина, о которой мы знаем больше всего, по времени своего существования насчитывает не более тридцати лет. Какой она было раньше, нам, к сожалению, достоверно неизвестно.

В четвёртых, большинство проходивших срочную военную службу в 50–60-е годы XX века утверждают, что в то время дедовщины в армии не было. Но это утверждение также не совсем верно. Дело в том, что у разных поколений военнослужащих срочной службы различное понимание дедовщины — у всех у них была своя дедовщина, не похожая на другие, более поздние варианты.

Многочисленные публикации о дедовщине, выплеснувшиеся на обывателя с началом перестройки и гласности акцентировали внимание на ужасах дедовщины. Невольно, они создали образ современной дедовщины как сплошных физических издевательств старослужащих солдат над молодыми, причём, именно беспричинных, садистских, ничем не обоснованных и неограниченных.

Естественно, что у мужчин (не говоря уже о женщинах — матерях молодых солдат) служивших в армии в послевоенное время это вызывало возмущение, ведь по их многочисленным свидетельствам во время их службы такого в Вооружённых силах не было. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что разница в между военнослужащими по сроку службы в бытность их армейской молодости всё же имела место. Соответственно имели место и неформальные взаимоотношения между старшими и младшими. Просто эти взаимоотношения в то время не считались дедовщиной и рассматривались как вполне нормальные, адекватные и характерные для армии.

Причинами же ожесточения дедовщины и роста жестокости военнослужащих по отношению друг к другу на наш взгляд были следующие:

1. Кризис советской идеологии. Рассказы о врагах — империалистах уже никого не впечатлял, а ведь ещё несколько десятилетий назад, в годы Великой Отечественной войны именно патриотический порыв солдат и матросов был надёжным заслоном от возникновения и распространения неуставных взаимоотношений.

Вот характерные примеры из солдатского фольклора:

Старшина нам мать родная

Замполит — отец родной

На хрен мне родня такая,

Лучше б был я сиротой [1]

или

Стоят столбы дубовые,

Сидят дубы здоровые

Идут политзанятия

Без всякого понятия [2].

2. Существенные изменения в национальном составе ВС СССР, выразившиеся в увеличении представителей среднеазиатских и закавказских республик, что закономерно привело к возникновению неформальных группировок, основанных на национальных принципах и/или территориальных землячествах.
3. Относительная криминализация армии, выразившаяся в привнесении и укоренении на её почве

отдельных элементов и традиций криминальной субкультуры и как следствие — ужесточении межличностных и межгрупповых взаимоотношений, формировании образа армии как места лишения свободы.

Вот примеры из солдатского фольклора:

*Если дух стоит как мышка,
Не пугайся — это фишка!* [3]
или

*За что два года получил?
Всегда свободу я любил* [2].
или

*Не забуду эти годы,
Цвет казарменной стены,
Кто не терял хоть раз свободы,
Тот не поймёт её цены* [4].

4. Демографические изменения в составе населения в европейской части страны, выразившиеся в уменьшении числа детей в семьях. Это неизбежно приводило к инфантилизации системы семейного воспитания, в результате чего молодые люди, попадая в армию, не были готовы как физически, так и морально не только к пресловутым сложностям и особенностям военной службы, но и к дедовщине, были не способны дать ей отпор и постоять за себя.

Вот характерные примеры из солдатского фольклора:

*Скоро, скоро вы придёте
Автомат возьмёте свой
Вот тогда вы запоёте:
«Мама, я хочу домой!»* [5].

или
*Идут часы, а я скучаю,
Сидя в казарме, у окна.
Тебя, мамуля, вспоминаю —
Родная мамочка моя* [3].

5. Образовательно-культурная причина. До Великой отечественной войны и первые десятилетия после её окончания служба в армии представляла реальную возможность повысить свой образовательный уровень, получить нужную профессию. К 70-м годам XX века с развитием сети средних специальных учебных заведений и ростом общего уровня образования населения с одной стороны, а с другой — с усложнением вооружения и военной техники (что, как следствие, потребовало призыва в армию уже подготовленных специалистов), среди молодёжи возникло устойчивое восприятие армии как двух лет выброшенных из жизни. Следовательно, сам собой напрашивался вывод о том, что службу в армии надо перетерпеть, пережить, как досадную необходимость.

Вот примеры из солдатского фольклора:

*Будь проклят тот день
Когда врач стукнул меня в грудь
И сказал: «Годен!»* [6].

или

*Вдали от любимой, вдали от друзей,
Тяну я проклятых семьсот тридцать дней* [7].

или

*Запомни дружок:
«Два года — должок!»* [8].

Дальнейшим закономерным развитием таких взглядов стала пропаганда уклонения от военной службы. Всё изменилось. Именно уклонение от службы в армии в молодёжной среде стало восприниматься как своеобразная доблесть, умение вывернуться в сложной житейской ситуации.

Вот характерные примеры из солдатского фольклора:

*Кто не был на службе, сапог не носил,
Зато у врача на здоровье косил
Его не призвали — он этому рад
Он знает где рай, но не знает где ад* [8].

или

*Друзья мечтали о военной службе,
А я про армию и слышать не хотел,
Но по иронии судьбы, а не по дружбе,
Все откосили, ну а я служить пошёл* [6].

Кстати, оценивая социализирующую роль Вооружённых сил СССР, следует отметить, что несмотря на инертность и громоздкость системы политического воспитания, она имела кумулятивный эффект. Спустя некоторое время после увольнения из рядов Вооружённых сил отслужившим в армии солдатам приходило стойкое понимание необходимости и полезности военной службы не только с точки зрения защиты Родины и государства, но и с точки зрения личностного взросления.

Вот примеры из солдатского фольклора:

*Не смей считать себя мужчиной,
Пока в строю ты не стоял,
И ОЗК с противоголозом
На марш бросок не одевал* [9].

или

*Гордись, что ты стал мужиком
И выдержал такой дурдом* [9].

или

*Армия воспитывает волю,
Подлости в служивом не простит,
Армия мужскую красит долю,
Человека армия растит* [1].

или

*Благодарить я буду службу
За крепкую мужскую дружбу* [10].

или

*Быть солдатом — это честь!
Разве что-то лучше есть!?* [11]

или

*Мой папа в армии служил,
Прадед прошел войну,
Я для себя уже решил,
Я буду защищать страну!* [4]

Таких примеров — сотни. Думается, что их появление не является случайностью. Так что, подводя некоторый

итог, следует констатировать, что учёным историкам, социологам и культурологам есть куда развернуться вглубь веков (хотя бы в середину и первую пол. XX в.) при изучении дедовщины и неформальных взаимоотношений в армии.

Таким образом, подводя итог можно констатировать, что наши данные о современной дедовщине остаются фрагментарными и далеко не полными.

Более того, в разные периоды советской эпохи (послевоенное время; период оттепели; застой; перестройка) отношение к службе в Вооружённых силах было различным. Соответственно и различным было отношение к неформальным взаимоотношениям в армии, не говоря уже о том, что сами они эти отношения в исторической ретроспективе сильно отличались. Все эти факторы в совокупности являют собой достаточно серьёзное методологическое ограничение при изучении дедовщины и неформальных взаимоотношений в армии, их зарождении и развитии.

Литература

1. Описание «дембельского» альбома сержанта Белова Р., военнослужащего воинской части А3333 от 03.10.1996.
2. Описание «дембельского» альбома сержанта Тинишина В., военнослужащего воинской части А3333 от 04.10.1996.
3. Описание «дембельского» альбома сержанта Маркина В., военнослужащего воинской части А3333 от 03.04.1997.
4. Описание карманного блокнота солдата гвардии Жбырь Д., военнослужащего воинской части 2041 НГУ от 07.11.1997.
5. Описание карманного блокнота солдата гвардии Кирова С., военнослужащего воинской части 2041 НГУ от 07.03.1997.
6. Описание песенника сержанта Ходько Л., военнослужащего воинской части А3333 от 25.03.1997.
7. Описание песенника младшего сержанта гвардии Гурова О., военнослужащего воинской части 2041НГУ от 15.09.1997.
8. Описание песенника сержанта Щурова Г., военнослужащего воинской части А 3333 от 04.03.1997.
9. Описание карманного блокнота старшего сержанта гвардии Распопова Г., военнослужащего воинской части 2041НГУ от 31.10.1997.
10. Описание карманного блокнота рядового Юрчука А., военнослужащего воинской части 2041НГУ от 20.08.1997.
11. Описание карманного блокнота рядового Пескова В., военнослужащего воинской части А3333 от 20.08.1996.
12. Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: «Феникс», 1994. 688 с.